

УДК 316.325

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

3. Майданади, кандидат исторических наук, доцент

Современная историческая наука не может плодотворно развиваться без использования достижений предшествующих этапов исторической науки, выработанных исследовательских методов и накопленных знаний. Раскрытие основных этапов развития исторической мысли позволяет определить научные направления, оценить достигнутые результаты. На сегодняшний день существует большая необходимость в изучении концептуальных проблем социально-политической трансформации кочевых обществ, определении природы и сущности формирования политических институтов, изменения социальной структуры кочевников. Историографическое осмысление этих аспектов ставит перед нами следующие задачи: во-первых, что современные историки вкладывают в значение «государство», «кочевое государство», во-вторых, необходимо раскрыть особенности исследовательских парадигм в изучении социально-политических институтов кочевого общества.

Европоцентристские теории возникновения и развития государства подразумевают централизованную политическую власть, которая монополизирует (или делегирует) управление и регулярно взимает налоги на более или менее определенной территории. В исторической науке синхронные политические процессы считались последовательными стадиями формирования государства. Понятие «политогенез» было разработано в 1970–1980-х гг. Л.Е. Куббелем¹, обозначившим этим

термином процесс формирования государства. «Государство провозглашает «преимущество применения голой силы для решения социальных проблем». П. Голден² определяет, что государство обладает военной силой, способной защитить его перед лицом внешнего и внутреннего врага. Кроме военных и налоговых чиновников, оно имеет в своем распоряжении другие «эксплицитные, комплексные и формальные» органы управления. Оно руководит и устанавливает правила для общества, в котором производительные силы являются достаточно развитыми для того, чтобы породить, в различной степени, социальную дифференциацию, стратификацию и создать излишки, необходимые для содержания государства. Социальные связи основываются не на узах родства и обычаях». Следуя логике своих умозаключений, он полагает, что когда кочевые государства разрушались, племена и роды, составлявшие их, всего лишь перегруппировывались, иногда под руководством родов, происходивших от «харизматического» правящего дома, или под руководством новых родов, но чаще всего не как государства. Резюмируя свои концептуальные положения, ученый предполагает: «Они возвращались к определенной точке континуума между безгосударственностью и государственностью в ожидании нового катализатора, который мог бы снова подтолкнуть их к государству»³. На эти же исследовательские принципы опирается М. Фрид, анализируя систему государственного

устройства: «Точка концентрации является одним из основных принципов организации: иерархия, дифференцированная степень доступа к основным ресурсам, повиновение официальным лицам, защита территории. Оно сохраняет себя «и физическими, и идеологическими средствами, путем поддержания военных сил и путем создания идентичности среди других подобных организационных единиц»⁴. Западные исследователи, рассматривая основные признаки государства, приходят к выводу, что в своей основе государство должно быть «совокупностью организаций, наделенных властью принимать обязательные для народа решения, и организаций, юридически располагающихся на определенной территории, которые внедряют эти решения, используя, при необходимости, силу»⁵. В свою очередь Дж. Флетчер отмечает, что государственность не является институтом, который жизненно необходим для существования кочевого общества, вторит ему и П. Голден исходя из своих теоретико-методологических построений, он скептически относится к идее, что номады могут самостоятельно создавать государственность, хотя и не отрицает, что во Внутренней Азии под влиянием китайской цивилизации степные империи принимали форму раннегосударственных обществ⁶.

Современный американский антрополог и историк Дж. Барфилд полагает, что возникновение номадной государственности построено на противоречиях⁷. На вершине кочевой империи существует организованное государство, руководимое самодержцем, но оказывается, что большинство членов племени сохраняют свою традиционную политическую организацию, которая основывается на родственных группах различных рангов. По мнению исследователя, для разрешения этих противоречий были предложены две серии теорий, которые должны были показать, что племенная форма – это только оболочка для государственности либо что племенная структура никогда не ве-

дет к настоящему государству. Другими словами, данные изыскания позволяют раскрыть этапы и динамику развития исторической мысли в рассмотрении различных аспектов кочевой государственности, которые, по мнению зарубежных исследователей, лишь временно доминировали над племенной политической организацией. Прогресс в изучении особенностей сложения кочевой государственности показывает, что добиться этого невозможно без учета мировоззренческих знаний о прошлой социальной реальности и комплексного подхода к социально-историческому знанию. В статье «Альтернативы социальной эволюции» российские ученые Д.М. Бондаренко, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев отмечают, что «государство не является единственно возможной постпервобытной эволюционной формой. ...это всего лишь одна из многих форм постпервобытной социально-политической организации: эти формы альтернативны по отношению друг к другу и способны трансформироваться друг в друга без каких-либо потерь в общем уровне сложности»⁸. Анализируя основные принципы генезиса и эволюции социально-политических структур, ученые приходят к заключению: «Таким образом, эволюционный путь, в рамках которого ретроспективно угадываются известные нам черты государства, является лишь одним из возможных «направлений» политогенеза. Но так как позднее большинство альтернативных социально-политических структур было уничтожено, поглощено государствами, или трансформировалось в государство, возможно, есть основания признать «государственную ветвь» политогенеза «основной», а альтернативные пути – «боковыми».

Номадолог Н.Н. Крадин определяет, что по уровню сложности большинство типичных кочевых империй Евразии больше соответствует уровню «вождеств». Еще радикальнее по данной проблеме позиция Э.С. Кульпина, исследователь резко отрицательно относится к возможности возникновения

государственных институтов в кочевом обществе: «Во все времена кочевники были маргиналами цивилизационного развития, которое традиционно связывается с развитым земледелием, ремеслом, городской культурой. Довольно часто, если не как правило, кочевники становились паразитической социально-политической надстройкой на теле государственной и общественной самоорганизации временно завоеванных ими земледельческих народов»⁹. Странники эволюционного, поступательного развития кочевого общества считают, что кочевники могли создавать собственную государственность. К ряду таких исследователей относятся С.Г. Кляшторный, Е.И. Кычанов, В.В. Трепавлов, А.М. Хазанов, Т. Холл, которые своими научными трудами внесли значительный вклад в разработку концепции «раннего государства» у кочевников. Исходя из своих мировоззренческих установок, ученые пришли к выводу, что кочевая государственность – итог постепенного внутреннего развития общества. А.М.Хазанов¹⁰ считает, что сам термин «кочевые государства» в известной мере является условным. Они были кочевыми, потому что были основаны кочевниками или потому, что кочевники занимают в них доминирующие позиции. Однако так или иначе, но все они были связаны с асимметричными отношениями с оседлыми обществами. Исследователь подчеркивает, что «в силу неавтаркичности и специализированного характера кочевой экономики она всегда должна была дополняться земледельческими и ремесленными продуктами, а главными центрами производства последних были города»¹¹. Исследователь основывается на постулате, что для того, чтобы кочевники создали государство, необходим был какой-то внешний катализатор (обычно оседлое государство). Соседние оседлые государства были слишком слабы политически (но это не означало обязательно военной слабости), чтобы представлять для кочевников реальную угрозу. В свою очередь, кочевники, для

которых неопределенность конфедеративных связей была нормой, никогда серьезно не угрожали окружающим государствам. Моделируя историческую действительность кочевого мира, А.М. Хазанов¹² разрабатывает несколько основных принципов сосуществования, взаимодействия городов и кочевого общества: 1. Торговля и поддержание разного рода контактов, включая религиозные и культурные, с городами в оседлых странах. 2. Завоевание этих стран или контроль над определенными оседлыми территориями, что почти автоматически влекло за собой использование их городов для самых различных нужд завоевателей: экономических, административных, культурных и т.д. 3. Создание собственного городского сектора в кочевых государствах. Таким образом, раскрывая специфические черты этого процесса, следует обратить внимание на то, что оседлые государства нередко рассматривали торговлю с кочевниками как инструмент внешней политики, средство экономического давления.

А.М. Хазанов всесторонне анализирует систему политической власти в кочевом обществе и считает, что она в значительной степени оставалась диффузной и в основном связанной с военными и организационно-регулятивными функциями. Соответственно они были рыхлыми, текучими по составу и недолговечными, за исключением тех случаев, когда они подвергались трансформации в результате специфических взаимоотношений с внешним миром. Иными словами, в самих кочевых обществах потребности политической интеграции были недостаточно сильны, чтобы приводить к необратимым структурным изменениям¹³. Несколько иной точки зрения придерживается и другие акценты расставляет Е.И.Кычанов. Изучая проблему возникновения и развития социальной дифференциации, исследователь заключает: «Вожизм (чифдом) и присвоенные им функции распределения общественного продукта – это и есть сложение господствующего

класса и приобретение им особого положения в распределении продукта»¹⁴. Представитель западной антропологической школы Дж. Флетчер, реконструируя жизнь кочевников в условиях постоянной мобильности, показывает несущественный характер надплеменной социальной организации и слабой интегрированности степных политий, которая была нестабильна и часто вообще распалась. «Члены племени считали себя принадлежащими к единому народу (ulus), который существовал в прошлом и в любое время мог быть восстановлен под новым или старым названием. Термин «улу» использовался для обозначения племени или, более вероятно, надплеменной общности, даже если последняя существовала только в умах людей. Улу» мог также обозначать существующую надплеменную политику — либо слабо организованную «конфедерацию», либо жестко организованную «империю». Надплеменное общество балансировало взад и вперед между надплеменной анархией (воображаемым единым народом) и надплеменной политией, которая, в свою очередь, флуктировала между слабой конфедерацией и (намного реже) устойчивой автократией» — фиксирует автор¹⁵. Автор вскрывает сложные механизмы трансформации и изменений в традиционных кочевых структурах, показывает характерные для кочевого общества параллельные, пограничные и переплетающиеся механизмы взаимодействия, которые обеспечивали устойчивость системы. В этой связи возникает вопрос о новых концептуальных построениях применительно к изучению такого политического образования, как «кочевые империи».

В рассмотрении проблемы возникновения кочевых империй или «архаических империй» для исторических исследований характерна «дихотомия» (двойственность). Современные авторы, проводя реконструкцию «степных империй», считают, что для создания империи были необходимы два важных средства. Первое из них было структур-

ным, а второе — идеологическим. Структурным средством была десятичная военная организация, которую степные правители использовали, и это являлось мощным оружием в руках степного правителя и значительно усиливало его власть. Идеологическим средством усиления контроля хана была вера в Тенгри — бога кочевников. В работах современных историков прослеживается идея всемирного верховного бога и содержит в себе возможность единой универсальной сферы на земле — вероятность того, что верховный бог может назначать единого правителя для установления своего правления над всей этой универсальной сферой¹⁶. Н.Н. Крадин, анализируя природу «кочевых империй»¹⁷, выделяет следующие признаки: 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями; 2) дуальный или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи; 3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному принципу»; 4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры; 5) специфическая форма наследования; 6) особый характер взаимоотношений с земледельческим миром. В исторических исследованиях современных российских авторов С.Г. Кляшторного, Т.И. Султанова всесторонне рассматриваются и факторы имперской традиции в истории сложения древнетюркской цивилизации. Ученые, опираясь на методы ретроспекции и сравнительного анализа, считают: «Между тем все, что мы можем определить как признаки, присущие цивилизации (и прежде всего, достаточно развитая письменность и запечатленная в этой письменности историческая память), явилось следствием создания Тюркского эля. Так сами тюрки называли свое государство, которое мы называем Тюркским каганатом или Тюркской империей»¹⁸.

Представленный историографический обзор позволяет выявить противоречия в исследовательской практике, специфические черты в изучении разных аспектов диалектического развития кочевого социума и преемственность исследовательских парадигм. Разные акценты и нюансы исследовательской практики, тем не менее, подчеркивают природу эволюционных изменений в кочевой среде, но при наличии регулярных контактов с урбанистическими обществами. Зачаточные формы государственности существовали в большинстве кочевых обществ, и движение к ее элементам, которые получали необходимый стимул, сразу же становилось эффективным. Общим для современных исследователей при всей разности достигнутых результатов является мнение о том, что кочевые общества обладали внутренними силами, способными создать государство, но, несомненно, главную роль сыграло внешнее воздействие, исходящей точкой и катализатором политического развития кочевников являлось осед-

ло-земледельческое общество. Следует отметить такую особенность исследовательской работы, что даже противоположные теории могут не исключать друг друга, а служить дополнением и показывать вектор развития концептуальных подходов и выработанных методов. Разнообразие подходов и мнений привело к раскрытию генезиса социально-политических изменений в кочевой среде, развитие исторической мысли позволяет определить ее основные направления, новые исследовательские горизонты. Современное движение исторического знания требует дальнейшего осмысления природы кочевого общества, понимания сути происходивших процессов, которые были непосредственно связаны с трансформацией внутренних механизмов кочевого общества. Эффективность теоретико-методологических построений применительно к изучению кочевой государственности заключена в спонтанных, неподготовленных и неожиданных поворотах исторической действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. — М., 1988. — С. 1.

² *Голден П.* Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2004. — С. 111.

³ Там же. — С. 112.

⁴ *Fried M.H.* The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology. New York. 1967. 235 p.

⁵ *Голден П.* Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2004. — С. 108.

⁶ *Флетчер Дж.* Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Введение. — Улан-Удэ, 2004. — С. 7–8.

⁷ *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.) — СПб., 2009. — С. 38–39.

⁸ *Крадин Н.Н.* Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Альманах. Вып. 2. — Новосибирск, 2001. — С. 369–396.

⁹ *Кульпин Э.С.* Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2004. — С. 167.

¹⁰ *Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. — Волгоград, 2006. — С. 480.

¹¹ *Хазанов А.М.* Кочевники и города в евразийском степном регионе и соседних государствах // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. — А., 2004. — С. 318.

¹² Там же.

¹³ *Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. — Волгоград, 2006. — С. 479.

¹⁴ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М., 1997. — С. 5.

¹⁵ Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Введение. — Улан-Удэ, 2004. — С. 221–222.

¹⁶ Там же. — С. 231.

¹⁷ Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. — С. 491.

¹⁸ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб., 2004.

Аннотация

В статье освещаются различные концептуальные положения и подходы к проблеме формирования социально-политических институтов кочевого общества, представлен историографический обзор исследовательских парадигм современной исторической науки.

Ключевые слова: кочевники, государство, парадигма, город, вождизм, империя.

Summary

The article deals with different conceptual positions and approaches to the problem concerning the formation of social-political institutes of the nomadic society and presents historiographical review of the exploratory paradigms of the modern historical science.

Key words: nomads, state, paradigm, city, leaderism, empire.